

Е. Н. Носов

НОВГОРОДСКИЙ ДЕТИНЕЦ И ГОРОДИЩЕ

(К ВОПРОСУ О РАННИХ УКРЕПЛЕНИЯХ И СТАНОВЛЕНИИ ГОРОДА)

Древнейшая история детинца неразрывно переплетена с вопросами начальной истории Новгорода и его соотношения с Городищем (Рюриковым городищем) в истоке Волхова. Для подобной увязки проблемы, кроме традиционного сопоставления названий Новгород (Новый город) — Городище (место старого города) и ряда косвенных суждений, опирающихся на сообщения арабских источников о древнем городе Слава, поздние летописные данные о легендарном Словенске и некоторые другие, существуют три главных основания.

1. Многолетние раскопки Городища показывают, что поселение здесь было основано не позднее середины IX в. (вопрос о более ранней дате открыт) и представляло собой укрепленный торгово-ремесленный и военно-административный центр на пересечении водных путей, по типу близкий древней Ладоге.¹

2. На территории собственно Новгорода, в разных его концах, в том числе в ключевых точках (детинец, Ярославово дворище и т. д.), не обнаружено слоев ранее середины X в. (для Неревского раскопа, видимо, ранее 30—40-х годов X в.).²

3. Скандинавы, появившиеся в середине VIII в. в низовьях Волхова и, вероятно, тогда же, поднявшись вверх по реке, впервые увидевшие ильменские просторы, не встретили тут поселения, называвшегося Новым городом, что и объясняет возникновение особого топонима *Nólmgardr*, в дальнейшем постоянно употреблявшегося ими для обозначения города. Если бы варяги исходили из славянского наименования города — «Новгород» (использование местных топонимов скандинавами обычно для территории Восточной Европы), то его наименование звучало бы как «*Nygardr*».³

Вопрос о времени основания древнейшего детинца на территории нынешнего кремля не равнозначен вопросу о появлении первых поселенцев на возвышенностях по берегам Волхова севернее Городища. Последние, видимо, пришли сюда несколько ранее. Древнейшим, вполне достоверным историческим известием о строительстве укреплений является сообщение Новгородской первой летописи младшего извода, помещенное под 1044 г.: «а на весну же Володимир заложи

¹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

² Там же. С. 170, 171.

³ Schramm G. Die normannischen Namen für Kiev und Novgorod // *Russia Mediaevalis*. 1984. Т. 5.

Новгород и сдела его».⁴ Сооружение детинца оказалось практически одновременным началу возведения Владимиром Ярославичем Софийского собора в 1045 г. Согласно летописи, в 1116 г. «Мстислав заложи Новгород болии перваго».⁵ Учитывая значение слова «первый» в древнерусском языке, это сообщение можно понимать двояко: и как подтверждение того, что детинец 1044 г. являлся действительно «первой» городской цитаделью, и как общее указание на перестройку и расширение в 1116 г. «древнего, прежнего» города.⁶

Основываясь на данных геологического бурения, И. И. Кушнир установил наличие в северной части нынешнего кремля холма высотой 6—7 м, являвшегося самым высоким во всем городе.⁷ Территорию кремля пересекал значительный овраг, который шел по направлению запад—восток, от места Златоустовской башни к водяным воротам южнее Пречистенских ворот. Устье этого оврага, по которому протекал ручей, и сейчас видно в рельефе со стороны Волхова, а сам овраг отмечен на планах XVIII в.⁸ В северной части кремля, полагает Г. М. Штендер, еще один овраг проходил от Златоустовской башни на северо-восток, к Владимирской башне. При раскопках в Никитском корпусе был найден его северный склон, прослеженный на глубину 5,5 м, т. е. на 9 м от современной дневной поверхности.⁹ Третий овраг зафиксирован к северу от стен кремля.¹⁰ Таким образом, можно предполагать, что три оврага расчленили местность в районе северной части кремля и своими вершинами сходились к Златоустовской башне.¹¹

В. Л. Янин отмечал, что «давний спор относительно местоположения кремля в XI в. — находился ли он в северной или в южной половине нынешнего — окончательно решен раскопками М. Х. Алешковского 1956—1960 гг. и А. Н. Кирпичникова 1979 г.» в пользу его северной половины.¹² С этим сейчас солидарны все исследователи,

⁴ НПЛ. С. 18.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1766; СлРЯ XI—XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 207.

⁷ Кушнир И. И. 1) О культурном слое Новгорода // СА. 1960. № 3. С. 220; 2) К топографии древнего Новгорода // Там же. 1975. № 3. С. 177, план; 3) Архитектура Новгорода. Л., 1991. С. 6, 11, 15.

⁸ Янин В. Л. 1) Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 100, 101, 105, план; 2) Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. Вып. 1 (11) С. 81; Кушнир И. И. Архитектура Новгорода. С. 8, 9, 11, планы.

⁹ Штендер Г. М. Новгородский детинец X—XI веков // Изучение истории и культуры Новгородской земли: Тез. докл. научной конф. Новгород, 1987. С. 64, 66. Не все исследователи убеждены в существовании этого оврага. Так, реконструируя древнюю топографию кремля, его вообще не упоминает И. И. Кушнир (Кушнир И. И. Архитектура Новгорода. С. 15).

¹⁰ Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. 1962. Вып. 14. С. 8; Штендер Г. М. Новгородский детинец... С. 66; Кушнир И. И. Архитектура Новгорода. С. 6, план.

¹¹ Штендер Г. М. Новгородский детинец... С. 64, 66; Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991. С. 12, план.

¹² Янин В. Л. Социально-политическая структура... С. 79. Первоначально М. Х. Алешковский считал, что если в 1044 г. детинец был возведен в северной части нынешнего кремля на свободном пространстве, то крепость X в. располагалась в южной половине кремля и ее вал был «разметан» при последующем строительстве (Алешковский М. Х. Новгородский детинец... С. 6, прим. 1). Однако в дальнейшем он изменил свою точку зрения, полагая, что вся древнейшая история детинца связана с территорией

касающиеся проблемы древней топографии детинца, тем более что самый высокий городской холм располагался именно здесь.¹³

Остатки укреплений середины XI в. на территории кремля археологами фиксировались неоднократно. Наиболее важные наблюдения были сделаны М. Х. Алешковским в конце 1950-х годов.¹⁴ В 1957 и 1959 гг. к западу от Владимирской башни им был осуществлен поперечный разрез вала под кремлевской стеной (раскопы IXа и IXб). Вал 1044 г. состоял из дубовых городен, поставленных в его основании и засыпанных землей, и слоя чистой светло-коричневой глины. Городни делились на клетки дополнительными срубными стенками. Верхний слой глины толщиной 3 м содержал в своей нижней части деревянные лежни. Они были положены после того, как городни засыпали землей. Лежни повторяли очертания городен, но не были перевязаны с ними и между собой. Общая высота вала достигала 7—8 м, ширина деревянной конструкции вала в поперечнике — 29 м. Под валом был зафиксирован тонкий культурный слой (судя по разрезу, его толщина не превышала 0,25 м). В слое встречена керамика X—первой половины XI в., отдельные предметы X—XI вв. (бусина-лимонка, гребень). В раскопе 1959 г. под валом обнаружены остатки деревянных сооружений. В 1960 г. непосредственно у стен Владимирской башни (раскоп VI) М. Х. Алешковским были найдены новые фрагменты городен вала XI в. По имеющимся материалам можно сделать следующие выводы: 1) в северной части кремля, к западу от Владимирской башни и у самой башни, конструкция вала XI в. выявлена М. Х. Алешковским достаточно четко, и все археологические наблюдения строго документированы; 2) под валом не было остатков оборонительных укреплений более древних, а зафиксирован тонкий культурный слой X—первой половины XI в.; 3) вал середины XI в. был возведен на участке, к северу от которого начинался «естественный обрыв».

В 1985 г. также были получены хорошо документированные материалы о конструкции вала детинца XI в. к югу от Митрополичьей башни. Здесь в раскопе у Лихудова корпуса М. А. Вороновой были обнаружены дубовые городни, разделенные на клетки срубными стенками.¹⁵ Одна из клетей была вскрыта целиком. Ее высота 2,5 м (сохранилось 20 венцов). Заполнение клетки в верхней части состояло из глины, в нижней — из темно-коричневого гумуса, насыщенного древесной щепой и костями животных. Оно представляло собой культурный слой, снятый с ближайшей территории при сооружении вала, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты раннегончарной керамики и другие находки, позволяющие датировать слой заполнения городен X—XI вв. М. А. Воронова обоснованно заключила, что выявленная ею конструкция вала полностью аналогична той, которую зафиксировал М. Х. Алешковский к западу от Владимирской

северной половины нынешнего кремля (Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога // СА. 1970. № 4. С. 54—73).

¹³ Штендер Г. М. Новгородский детинец... С. 63—66; Гордиенко Э. А. Владычня палата... С. 11—12, 55; Кушнир И. И. Архитектура Новгорода. С. 15.

¹⁴ Алешковский М. Х. Новгородский детинец... С. 7—12.

¹⁵ Воронова М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Тез. докл. научно-практической конф. Новгород, 1988. С. 73—75.

башни. Под валом середины XI в. не оказалось остатков более древних оборонительных конструкций, а залегал культурный слой толщиной до 0,7 м (это также совпадает с наблюдениями М. Х. Алешковского). В культурном слое под валом сохранились на четыре венца остатки более ранней постройки. Нижние бревна этого сруба лежали непосредственно на материковой глине на глубине 6,3 м. Анализ спилов с постройки позволяет датировать ее 962 г. Материал из ее заполнения относится к X—XI вв. (раннегончарная керамика, бронзовая проволока, железное шило и три ключа, темно-синяя зонная бузина).

В 1981 г. А. Н. Кирпичников заложил раскоп в 21 м к югу от Владимирской башни. Работы показали, что ныне существующая кремлевская стена стоит на валу 1044 г. Исследованная толща вала достигала 5,3 м и включала шесть рядов поперечно лежавших дубовых бревен. А. Н. Кирпичников сосредоточил усилия на выявлении каменной стены 1331—1334 гг., отходившей от Владимирской башни. Вслед за М. Х. Алешковским он отметил, что стена была заложена не на валу 1044 г., а у его подножия, т. е. на 19—22 м ближе к Волхову. Во время этих археологических работ 1981 г. была выявлена глиняная насыпь основания вала XI в. и слой с находками XI в. (толщина 0,3—0,5 м), уходящий под вал.¹⁶

Итак, в северной части нынешнего кремля достоверно зафиксирована линия мощных оборонительных конструкций середины XI в. Есть ли археологические факты, позволяющие говорить о существовании здесь более ранней крепости?

Г. М. Штендер утвердительно отвечает на этот вопрос. Он считает, что первоначальный детинец занимал среднюю часть современного кремля и был огражден водой: с востока — Волховом, с юга и северо-запада — раздвоенным руслом его притока (оврагами). Крепость, по-видимому, была укреплена бревенчатым тыном. В XI в. ее территория была расширена в северном направлении в связи с предстоящим строительством Софийского собора. Северо-западное русло притока Волхова засыпали в 1044 г., и тогда же на новых участках соорудили укрепления, в основе которых были клетки-срубы, засыпанные землей и глиной.¹⁷ В 1987 г. Г. М. Штендер попытался конкретизировать эту схему развития кремлевской территории. Он полагает, что в 1981 г. при раскопках А. Н. Кирпичникова, проводившихся при его участии, был найден древнейший вал кремля. По мнению исследователя, можно утверждать, что в XI в. при расширении кремля к северу вал X в. на участке к югу от Владимирской башни не был срыт и сейчас «существование до 1044 г. крепости X в. становится фактом».¹⁸

Схема Г. М. Штендера не лишена определенной логики, но с фактической стороны она подкреплена лишь ссылкой на результаты раскопок 1981 г. В изложении Г. М. Штендера тогда было установлено следующее: «Под существующей кромкой вала XV в. на глубине

¹⁶ Кирпичников А. Н. 1) Исследования в Новгородском кремле и Порховской крепости // АО. 1981 г. М., 1983. С. 16, 17; 2) Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 15.

¹⁷ Штендер Г. М. [Вступительная статья] // Каргер М. К. Новгород. Л., 1980. С. 7, 8.

¹⁸ Штендер Г. М. Новгородский детинец... С. 63—66.

3—3,5 м оказался глиняный вал округлой формы без каких-либо деревянных конструкций во внутренней части. Снаружи (сверху) впритык без перевязи к нему приложены дубовые бревна — лежни главного вала, насыпанного выше и шире (курсив мой. — Е. Н.). Они были уложены не городнями, а разрозненно. (Древнейший вал не удалось замерить в деталях, так как из-за поступивших грунтовых вод стенки раскопа обрушились до фиксации нижней части, где он был ясно виден).¹⁹ Для Г. М. Штендера единственным основанием для датировки данного вала X в. явились его конструктивные отличия (отсутствие городен) от укреплений, выявленных М. Х. Алешковским в 20 м севернее, у Владимирской башни.

А. Н. Кирпичников, руководитель археологических работ 1981 г., совсем иначе, чем Г. М. Штендер, оценил полученные результаты. Вот его заключение: «Исследованная толща вала достигала 5,3 м (дальнейшему заглублению помешала вода) и включала шесть рядов поперечно лежавших дубовых бревен, составляющих внутреннюю конструкцию насыпи. Расстояние между бревнами по вертикали — 0,25—0,40 м. Подобные бревна, несомненно, находились и в нижней, неисследованной пока части вала» (курсив мой. — Е. Н.). А. Н. Кирпичников отнес обнаруженный вал к 1044 г. Под него, как было установлено в других шурфах, уходит слой с находками XI в.²⁰

Открытая раскопками картина в изложении А. Н. Кирпичникова ничего общего не имеет с утверждениями Г. М. Штендера. Обращает на себя внимание, что верхняя часть конструкции вала, зафиксированная в 1981 г. в 20 м к югу от Владимирской башни, сходна с конструкцией вала у самой башни и западнее нее, где М. Х. Алешковский установил, что верхний слой глины толщиной 3 м вала 1044 г. в своей нижней части содержал деревянные неперевязанные лежни и лишь ниже их шли городни. На участке 1981 г., по свидетельству А. Н. Кирпичникова, нижняя часть вала вообще осталась неизученной. Одним словом, нет никаких оснований считать, что вал X в. найден в 1981 г., и тем самым точка зрения Г. М. Штендера на место расположения древнейшего кремля остается археологически не подтвержденной.

В. Л. Янин не согласился со схемой развития детинца, предложенной Г. М. Штендером, исходя из общей топографической ситуации градостроительных древностей Софийской стороны. По его мнению, древнейший кремль может быть локализован в северо-западной части нынешнего детинца, т. е. как раз исключая намеченный Г. М. Штендером сектор. В пользу этого, по мнению В. Л. Янина, свидетельствует то, что и Великая улица Неревского конца, и Пробойная улица Людина конца — главные проезжие дороги Софийской стороны — нацелены в северо-западный сектор современного кремля. Первая входила в него через Федоровскую башню, вторая имела направление на юго-восточный угол Митрополичьих покоев, где в древности, вероятно, были южные ворота и первоначального детинца, и кремля 1044 г. Древняя Пискупля улица, проходившая мимо Епископского двора, соединяла Федоровскую и южную башни древ-

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Кирпичников А. Н. Исследования... С. 16, 17.

нейшего детинца. В ее конце, вероятно южном, находилась и деревянная София X в. Искусственный ров существовал на участке от Златоустовской до Владимирской башни. В середине XI в., в связи с замыслом сооружения каменного Софийского собора, территория кремля была расширена к востоку.²¹

В. Л. Янин совершенно справедливо вычленяет северо-западный сектор современного кремля как его древнейшую часть. Укрепления, окружавшие ее в 1044 г., достоверно зафиксированы раскопками М. А. Вороновой. А где были более ранние, коих под валом середины XI в. не оказалось, причем не оказалось с западной стороны участка, где направление валов X в. вряд ли было бы изменено в последующем? В. Л. Янин полагает, что ко времени до 1044 г. относится глиняный вал, открытый во время исследований 1941 г.²² Все сведения об этом сооружении ограничиваются его упоминанием в книге Н. Г. Порфиридова 1947 г. Целесообразно процитировать Н. Г. Порфиридова полностью: «Раскопки 1941 г. в северной части кремля, неожиданно обнаружившие мощный глиняный вал, открыли не этот ли древнейший новгородский „присп“ — насыпь».²³ Вряд ли подобная фраза может быть решающим доводом в пользу основания детинца до XI в. Работы 1941 г. не были завершены, и сам Н. Г. Порфиридов остался не уверен в справедливости своего заключения. При полном отсутствии данных о стратиграфии и хронологии культурных слоев в раскопе неясно, на чем основывалась датировка укреплений, если они действительно таковыми являлись. М. К. Каргер и Г. М. Штендер, касаясь древнейших укреплений кремля, вообще не упоминают о сообщении Н. Г. Порфиридова.²⁴ Н. Н. Гринеv пишет об обнаружении в 1941 г. не вала, а южного склона оврага.²⁵ На мой взгляд, исследователи новгородских фортификаций М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев имели все основания констатировать в 1970 г. «отсутствие на территории детинца следов оборонительных укреплений ранее 1045 г.»²⁶ В последующие годы ничего принципиально нового, что могло бы изменить это заключение, не найдено.

Судя по топографии древнего Новгорода, выявленной на основании данных географического бурения, одним из самых возвышенных участков города, наиболее удобных для первоначального освоения, являлась территория северной половины нынешнего кремля.²⁷ Во время раскопок М. А. Вороновой было установлено, что в северо-западном секторе кремля, под валом 1044 г., залегают непотребованный культурный слой мощностью 0,7 м. Дендрохронологические анализы показали, что сруб, поставленный на материке, относится к 962 г.²⁸ Следовательно, освоение холма в северной части территории кремля произошло в третьей четверти X в., т. е. одновременно (в рамках 2—3 десятилетий) с освоением территорий по левому берегу Вол-

²¹ Янин В. Л. Социально-политическая структура... С. 80—82, схема.

²² Там же. С. 81, 82.

²³ Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 24.

²⁴ Каргер М. К. Новгород. Штендер Г. М. [Вступительная статья]. С. 7, 8.

²⁵ Гринеv Н. Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 59.

²⁶ Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке... С. 69.

²⁷ Кушнир И. И. 1) К топографии... С. 177; 2) Архитектура Новгорода. С. 6.

²⁸ Воронова М. А. Раскопки... С. 74, 75.

хова на участках Неревского и Людина концов (Неревской и Троицкий раскопы, исследования в южной половине кремля). О какой-либо глубокой древности поселения на месте северо-западного сектора детинца пока говорить не приходится.

В 1971 г. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский отмечали, что хотя «ранние фортификации детинца археологически не прослеживаются, но они существовали и до 1045 г., поскольку еще Константин Багрянородный в середине X в. упоминал Новгород».²⁹ Аргумент, что Новгород в форме «Невогард» («Немогард») назван в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (т. е. существовал в X в.), часто приводится в историографии. Однако к истолкованию сообщения византийского императора надо подходить все же более осторожно, и ответ не столь однозначен.

В отрывке из сочинения Константина Багрянородного, где упоминается «Невогард» («Немогард»), речь идет о ежегодном сборе в Киеве «моноксилос» (челнов) из разных мест земли славян, об оснащении их там и о продаже этих судов росам, которые отправляются на них в плавание вниз по Днепру и Черному морю в Византию.³⁰

В 1924 г. В. А. Пархоменко полагал, что в трактате «Об управлении империей» говорится не о Новгороде, а о каком-то более южном городе.³¹ В наши дни Х. Бирнбаум, ссылаясь на изложенный ему Н. Ю. Дежневским возможный подход к отождествлению «Невогарда» и Новгорода, отмечает, что этот вопрос еще далек от своего окончательного решения. В эпоху Киевской Руси в бассейне Днепра существовало несколько Новых городов, более близких к Киеву и Византии, чем город на Волхове. Это Новгород-Северский на р. Десне, Новгород-Волынский на р. Случь и Новгород Малый (Новгородок) на самом Днепре. Не исключено, что Константин Багрянородный имел в виду один из этих городов. У северного Новгорода, в отличие от перечисленных, не было прямого водного сообщения с Киевом, и их разделяли волоки. Кроме того, в середине X в. он не был столь большим, чтобы его название затмило подобные наименования всех иных центров и каждое его упоминание не вызывало бы сомнений у современников, что речь идет именно о данном городе. Х. Бирнбаум присоединился к мнению Н. Ю. Дежневского, поставившего вопрос о том, почему в X в. самый далекий город, расположенный на краю северной тайги в покрытой лесами Руси, являлся поставщиком челнов для использования их на Черном море.³²

Еще раньше поставил под сомнение сообщение Константина Багрянородного о транспортировке челнов из Новгорода в Киев С. В. Бернштейн-Коган. «Трудно представить себе, — писал он, — чтобы имело смысл через два волока с Ловати тащить в Киев колоды,

²⁹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 37.

³⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 45—51.

³¹ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924. С. 34, прим. 8.

³² Birnbaum H. Lord Novgorod the Great: Essays in the History and Culture of a Medieval City State. Berkely; Los Angeles, 1981. Pt. 1: The Historical Background. P. 102, 103.

когда их, по словам того же Багрянородного, можно было бы получить из Смоленска, Любеча, Чернигова и других мест, расположенных на Днепре».³³

М. Н. Тихомиров в свое время заметил, что, судя по скандинавскому окончанию названия города («Невогард — Немогард»), информаторами византийцев были норманы.³⁴ С этим исследователи соглашаются.³⁵ Однако мы знаем, что скандинавы называли предшественник Новгорода и сам Новгород «Hólmgardr». Возникает резонный вопрос, почему в данном случае, если речь действительно шла о городе на Ильмене, варяжские информаторы именовали его «Невогард»? Отвечая на этот вопрос, Н. Н. Гринев не без оснований заключил: «Поскольку несущий на себе скандинавский отпечаток термин „Невогард“ этимологически не может восходить к скандинавскому „Холмгард“, следует признать, что скандинавский источник Константина Багрянородного имел в виду какой-то другой центр „внешней Руси“ и не должен рассматриваться как свидетельство в пользу существования новгородского детинца в середине X в.».³⁶

Я хочу обратить внимание на еще один важный аспект рассматриваемого вопроса. Сочинение Константина Багрянородного было составлено в 948—952 гг. Речь в отрывке, где упоминается «Невогард» («Немогард»), идет о сложившейся практике сбора челнов в Киеве, т. е. о времени ранее середины X в. Однако на всей территории кремля в Новгороде на р. Волхове до сих пор не зафиксированы не только укрепления этого периода, но и, что даже более важно, — вообще культурные отложения первой половины X в. Подобное расхождение археологических данных и письменного сообщения нельзя не учитывать при локализации топонима «Невогард» и датировке новгородского детинца.

Касаясь традиционного отождествления «Невогарда» и Новгорода, А. Н. Кирпичников считает, что «в первой части имени города запечатлено скорее не название Новгорода, а тогдашнее наименование озера Ладоги — Нево» и речь идет о городе Ладоге, «входившей в домен киевского князя и служившей местом пребывания его наследника».³⁷ Н. Н. Гринев также полагает, что на название «Невогарда» в большей степени, чем Новгород, может претендовать Старая Ладога.³⁸ Подобной точки зрения придерживается и Э. Мюле.³⁹

Однако отождествление «Невогарда» с Ладогой не снимает поставленных С. В. Бернштейн-Коганом, Н. Ю. Дежевским и Х. Бирнбаумом вопросов о сомнительности транспортировки челнов в Киев с бе-

³³ Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки // Вопросы географии. 1950. № 20. С. 250.

³⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956. С. 14.

³⁵ Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. 1990. Т. 21. С. 235, прим. 50.

³⁶ Гринев Н. Н. Легенда о призвании... С. 35.

³⁷ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). Л., 1988. Вып. 1. С. 55.

³⁸ Гринев Н. Н. К вопросу о происхождении названия политического центра Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Тез. докл. научно-практической конф. Новгород, 1988. С. 58, 59.

³⁹ Muhle E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus: Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts. Stuttgart, 1991. S. 52, 76.

регов Волхова за тысячи километров, через волоки и вверх по течению р. Ловати (замена Новгорода Ладогой лишь усугубляет эту проблему, добавляя к сложностям предполагаемого маршрута опаснейшие Гостинопольские и Пчевские пороги и 200-километровый участок пути вверх по Волхову). Кроме того, известно скандинавское название Ладоги — *Aldeigjuborg (Aldeigja)*, и неясно, почему в сообщении северного информатора византийского императора появляется особое наименование «Невогард», если предполагать, что подразумевалась Ладога. Я не буду сейчас углубляться в проблему определения города, скрывавшегося за названием «Невогард», хочу лишь отметить, что, на мой взгляд, в тексте Константина Багрянородного нет достаточных оснований, чтобы привлекать данное сообщение как решающее доказательство существования новгородского детинца еще до середины X в.

Напомню, что в сообщении Константина речь идет только о Днепре: моносилы — «*все они*» — «*спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава*», славяне рубят моносилы зимой, «*вводят в находящиеся по соседству водоемы*» и «*так как эти (водоемы) впадают в реку Днепр, то и они из тамошних (мест) входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для (оснастки) и продают росам*». ⁴⁰

В 980 г. киевским князем Владимиром была предпринята реформа древнерусского язычества в целях приведения религии «в соответствие с новым уровнем государственной жизни». ⁴¹ В Киеве изваяния Перуна и других богов пантеона были поставлены в центральной части детинца — «на холму вне двора теремного». ⁴² Казалось бы, в Новгороде этот государственный шаг должен был проводиться аналогичным образом. Однако ситуация здесь оказалась иной. Воевода Владимира Добрыня воздвиг статую Перуна в Перыни, которая тяготела к Городищу — укрепленному центру в истоке Волхова, а не севернее него, среди уже бесспорно существовавших на обоих берегах Волхова обширных поселений. На мой взгляд, это очень важное косвенное свидетельство отсутствия в 980 г. собственно нового детинца и подтверждение еще значительной тогда роли поселения на Городище.

В настоящее время нет серьезных археологических аргументов, противоречащих предположению о том, что общегородская крепость была возведена сравнительно поздно, лишь в середине XI в., и именно ее строительство отмечено в летописи под 1044 г. Тогда же, вероятно, появилось и само название «Городище» как «старой крепости», противостоящей «новым» укреплениям. Тем не менее решение вопроса о соотношении древних крепостей в истоке Волхова более сложно, чем простое признание их непосредственной преемственности, и невозможно без установления места расположения княжеской резиденции в начальный период новгородской истории и роли Ярослава дворища в становлении города.

⁴⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45, 47. Курсив мой.

⁴¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 412.

⁴² Там же. С. 413; Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 58.

Исследователи единодушны в том, что в начале XI в. княжий двор располагался на Торговой стороне, близ торгога. Но где же он был в более раннее время? Полагаю, что княжеская резиденция изначально в IX—X вв. находилась на Городище — там, где мы и застаем ее в XII в. при первом упоминании в письменных источниках.⁴³ Здесь же при князе располагалась его дружина, в которую входило немалое число варягов. На поселении было налажено и ремесленное производство, удовлетворявшее привычным вкусам заказчиков. Этим и объясняется значительное количество скандинавских находок на Городище и их большая концентрация по сравнению с Новгородом. В начале XI в. Ярослав перенес свою резиденцию вниз по течению Волхова, к торгу, одному из центров бурно росшего нового поселения. Участок, занимаемый двором князя, размещался на периферии Славенского холма, на месте, менее удобном для жизни, чем центр всхолмления, но, очевидно, еще свободном к началу XI в. от плотной застройки. Резиденция князя не была защищена стенами детинца и оказалась, по существу, в одном ряду с богатыми городскими усадьбами новгородской знати. Из этого следует, что княжий двор на Торговой стороне вторичен по отношению к возникшему там по крайней мере в X в. поселению. Хронологическая лакуна первой половины и середины XI в. в археологических материалах Городища наряду с возникновением Ярославова дворища не ранее XI в. свидетельствует в пользу предложенного решения вопроса.

Почему в Новгороде князь оказался вне детинца и поставил свой двор за его стенами? Полагаю, что в начале XI в., когда Ярослав переносил резиденцию с Городища в центр нового поселения, общегородской крепости там просто еще не было.

В. Л. Янин справедливо показал, что древнейшей исторической частью детинца был его северо-западный сектор. Сюда были направлены главные проезды улицы Неревского и Людина концов.⁴⁴ Очень вероятно, что здесь же, а не на месте церкви Бориса и Глеба, располагался первый общегородской храм — деревянная София, возведенная в 989 г.⁴⁵ В северо-западной части территории кремля находился Владычный двор, история которого восходит к концу X в. Тогда, в 989 г., первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин занял для своего двора, как считает Э. А. Гордиенко, небольшой островок — естественно защищенную территорию, ограниченную двумя рукавами впадавшего в Волхов ручья. Во Владычном дворе располагались хоромы Иоакима и первая каменная церковь города — храм Иоакима и Анны, посвященный, судя по названию, покровителям епископа. Э. А. Гордиенко допускает, что Владычный двор имел также искусственные укрепления.⁴⁶ М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречев подчеркивали «связь происхождения детинца с Владычным двором, который мог появиться не ранее конца X в.». По их мнению, «детинцу 1045 г. предшествовала небольшая ограда Владычного двора конца X в.». ⁴⁷ Как полагает Н. Н. Гринев, на территории северной части

⁴³ Более детальное обсуждение данного вопроса см.: *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. С. 194—197.

⁴⁴ *Янин В. Л.* Социально-политическая структура... С. 82.

⁴⁵ *Янин В. Л.* Очерки... С. 101, 102, 123—125.

⁴⁶ *Гордиенко Э. А.* Владычная палата... С. 11, 12, 55.

⁴⁷ *Алешковский М. Х., Красноречев Л. Е.* О датировке... С. 69, 72.

кремля «до 1044 г. располагался только христианский центр города, включавший Владычный двор, Пискуплю улицу и дубовую церковь Софии. Если он и имел укрепления, то городской крепостью они не являлись».⁴⁸ Особую роль церкви в древней административной структуре видит Н. Ю. Дежевский. Касаясь истории городской крепости, он заключает, что «цитадель, очевидно, появилась в ходе христианизации Новгорода», а крепость середины XI в. также была возведена как епископская.⁴⁹

Таким образом, особое значение территория на одном из высоких холмов в районе северо-западной части нынешнего кремля стала приобретать в последнее десятилетие X в., когда при введении христианства здесь был воздвигнут общегородской храм Софии, возведен Владычный двор и каменная церковь Иоакима и Анны. До строительства двора владыки это место было заселено с третьей четверти X в., но нет никаких оснований считать, что уже тогда здесь появились какие-то укрепления. Основание христианского комплекса на Софийской стороне и устройство княжеского двора на Торговой, которые в историческом плане можно считать синхронными, свидетельствуют о завершении процесса становления в верховьях Волхова нового административного и экономического центра: торгово-ремесленный и военно-административный городок в истоке Волхова уступил свое место столице Новгородской земли.

Однако быстро растущему в стороне от Городища поселению необходимы были собственные укрепления для защиты, поскольку городок в истоке Волхова не мог выполнять эти функции. И в 1044 г. Владимир Ярославич «заложи Новгород и сделала его» одновременно с началом возведения каменного Софийского собора. В силу сложившейся традиции князь остался в своей резиденции на Торговой стороне и точно так же Владычный двор остался на прежнем месте, но теперь уже внутри детинца.

Я показал, что поселение на Городище явилось фактическим предшественником Новгорода и как крепости, и как главного центра Приильменья. Переход административных и экономических функций от городка в истоке Волхова к новому поселению, расположенному поблизости, не был каким-то исключительным явлением, характерным только для становления Новгородской земли, а являлся одним из проявлений общей тенденции сложения раннефеодальных государств в регионе Балтики.⁵⁰

В несколько иной плоскости лежит вопрос о названиях центра или центров в истоке Волхова и их соотношении — *Hólmgarðr*, Городище, Новгород, Словенск и т. д. Скандинавское наименование города появилось независимо (и раньше) наименований «Городище» и «Новгород», поскольку если бы скандинавы достигли верховьев Волхова, когда эти топонимы уже существовали, то они, вероятно всего, и восприняли бы их, что было обычно в отношении названий других древнерусских городов.

⁴⁸ Гринева Н. Н. К вопросу о происхождении... С. 59.

⁴⁹ *Dejevsky N. J. Novgorod: The Origins of a Russian Town // European Towns: Their Archaeology and Early History. London; New York; San Francisco, 1977. P. 391—402.*

⁵⁰ *Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 67—76.*

Название княжеской резиденции Городищем само по себе симптоматично. В русском языке суффикс «-ище» обозначает «заброшенное место», «место, где было...», а соответственно и термин «городище» употребляется в первую очередь в отношении тех мест, на которых ранее находились укрепленные поселения. В данном случае несомненна древность появления топонима, поскольку в летописи он впервые упомянут под 1103 г. Наименование «Городище», видимо, возникло в середине XI в., когда княжеская резиденция уже была перенесена на Торговую сторону, интенсивность жизни на ее прежнем месте упала и были скрыты укрепления городка, а вокруг территории Владычного двора были возведены мощные валы нового детинца.

Логично предположить, имея в виду противопоставленную связку «Городище» (старый город-крепость) — «Новгород» (новый город-крепость), что оба наименования взаимосвязаны, тем более что археологические материалы говорят об их преемственности. Именно так я и полагал в своей монографии 1990 г.⁵¹ Однако допустимы и иные решения вопроса. Уже в летописных сводах XI в., лежащих в основе Начального свода 1093—1095 гг., название «Новгород» («новгородцы») широко соотносится с событиями более ранними и подразумевает весь город, а не только его крепость. Невозможно допустить, что на все летописные известия о деяниях времен Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся в середине XI в. Одним словом, наименование «Новгород» существовало до возведения детинца 1044 г., видимо, до появления топонима «Городище», но позже возникновение названия «Hólmgardr». Учитывая, что на территории новгородского детинца нет слоев ранее третьей четверти X в., а весь комплекс на его месте приобрел особое значение в городской структуре только с утверждением в конце X в. христианства, строительством Софийской церкви и Владычного двора, я полагаю, что летописцы, говоря о «Новгороде» при описании событий IX—X вв., имели в виду поселение на «Городище» (при такой постановке вопроса «Городище» выступает как одно из локальных названий в рамках Новгорода, появившееся на одном из этапов его развития, такое же, как, например, «Ярославово дворище»).

Согласно вариантам Повести временных лет по Радзивилловской и Ипатьевской летописям, легендарный Рюрик — а Сказание о призвании варягов не лишено исторической подосновы — перешел из Ладоги к истоку Волхова: «...и пришед ко Илмерю, и сруби город(о)къ над Волховом, и прозва Новъгород, и сяде ту кн(я)жа раздаа волости».⁵² В истоке Волхова во второй половине IX в. резиденция Рюрика могла быть только на Городище. «Легенда о построении города Рюриком, — отмечал М. Н. Тихомиров, — может относиться к Городищу, тем более что летопись говорит о построении Рюриком города над озером Ильменем, а это мало подходит к топографии Новгорода и более соответствует местоположению Городища».⁵³ Симптоматично, что городок над Волховом получил славянское название.

⁵¹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. С. 194.

⁵² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; Т. 38. С. 16.

⁵³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 22.

Появление Рюрика в верховьях Волхова и строительство Нового города не означает, однако, обязательного основания им первого поселения здесь. Надо думать, что торгово-ремесленный и военно-административный поселок мог уже существовать и до него. Ведь сам факт перехода Рюрика из Ладоги — важное свидетельство все большего значения, придававшегося поселенческому ядру Северного Приильменя уже в середине IX в., наглядный показатель его ключевой роли в Ильменском бассейне. Открытие здесь поселений и кладов восточных монет начала IX в. (Холопий городок) подтверждает эти выводы, хотя на самом Городище слоев ранее середины IX в. пока не обнаружено.

Возникновение наименования «Hólmgardr» следует отнести к концу VIII—началу IX в., когда скандинавы стали подниматься вверх по Волхову из Ладоги. Возможно, появление топонима было обусловлено характером местности в истоке Волхова, где на холмах среди низменной поймы располагалось множество отдельных поселений, но не исключено, что главный из них назывался «Хьльмгородь».

Восточные источники говорят о городе Слава, а поздние летописные своды повествуют о Словенске, предшествовавшем Новгороду и располагавшемся рядом с ним. Если принять, что Городище прежде именовалось Словенском, как неоднократно предполагалось в литературе, то неясно, почему скандинавы, попавшие в верховья Волхова в «доновгородские времена», не восприняли это название.

А. Е. Пресняков в своем известном курсе по русской истории 1908—1916 гг. заключил: «Исконный центр Новгорода „Городище“ на „острове“ между Волховом, Малым Волховцом и притоками. Тут древнейший укрепленный „город“. Местные топографические условия не дали ему стать подлинным центром Новгорода, и он стал „городищем“, вероятно, во времена Ярослава. Болотистая почва мешала скученности населения и, притянутое значением нового „города“, оно селилось на более возвышенных местах враздробь, отдельными поселками. Лишь для одного из них знаем древнейшее имя — Славно, юго-восточный „конец“ Новгорода. Сюда при Ярославе перешел центр княжеской власти из Городища в „Ярославов двор“, возле которого расположился и „торг“, а кругом — боярские дворы княжеских дружинников — огнищан».⁵⁴ А. В. Пресняков полагал, что и деревянный детинец возник также при Ярославе. Ряд акцентов в построениях А. Е. Преснякова требует уточнений, но в целом он правильно уловил реальную историческую картину соотношения Новгорода и Городища, к которой мы приходим сейчас, опираясь уже не только на письменные источники, но и на данные современной археологии.

⁵⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 124.

